

Департамент культуры Правительства Свердловской области
Свердловская областная массовая межнациональная библиотека

Литературная Украина: век двадцатый

*(методические рекомендации по проведению
литературно-информационных программ в
библиотеке)*

Екатеринбург

1997

Составители: Гудов В.А., Тушнолобова Л.А., Суровцева Н.Г., Камчатова О.Н., Орлова Н.А.

Редактор: Семенова М.

Ответственный за выпуск: Новопашина Т.Х. - директор СОММБ.

Литературная Украина. Век двадцатый. Методические рекомендации по проведению литературно - информационных программ в библиотеке /СОММБ. - Сост. Гудов В., Тушнолобова Л., Суровцева Н., Камчатова О., Орлова Н. - Екатеринбург. 1996.- 37с

Наш адрес: 620 146 г. Екатеринбург, ул. Бардина, 28.
Свердловская областная массовая межнациональная библиотека

Телефоны: 28-44-55; 43-17-05; 43-17-00

СОДЕРЖАНИЕ

1. Вступление.....	3 с.
2. Заметки к истории украинской литературы 20 - 30-х годов XX века. Аналитический обзор.....	4 с.
3. Возвращённые имена украинской литературы XX века	9 с.
4. Книжный рынок украинской литературы сегодня. Краткий обзор.....	16 с.
5. "Украина поэтическая". Литературная композиция по творчеству молодых украинских поэтов.....	18 с.
6. Обзор выставки "Литературная Украина".....	23 с.
7. Приложения.....	28 с.

Вступлєннє.

Предлагаєм вашому вни́манню методическїє рекомендації по проведенню літературно-поэтичєского вечера " Літературна Україна". Эта работа являється продовженням тех інформаційних програм по історії, культурі, літературі України, которїє проводились в нашій бібліотеці на протязенні нескільких лєт. Онї обобщєні в методическїх рекомендаціях " Українська муза", изданных бібліотекою ранєє. В них подрбно представлєно творчєство класіков української літератури, традиції народа.

Задачєй настєщих методическїх рекомендацій являється ознакомлєннє читатєля с сєвременнїми літературовєдчєскїми ісслєдованнїями, положєннєм на книгоиздательском ринкє української літератури, с произвєдєннїями українскїх авторов, которїє появились в печатї в течєннє послєдних двух дєсятілєтїй.

Открыть вечер целєсообразно выступлєннєм філолога - спеціалїста в облєсті літератури рєспублїк ближнєго зарубєжья, который поможєт раскрыть вопрос о мєстє української літератури 20-30-х годов в советской літературє того перїода и раскажєт о послєдних ісслєдованнїях учєных в этой облєсті. Продовжєннєм выступлєннїя ісслєдоватєля и сєвоеобразной єго иллюстрацієй являється обзор "Возвращєннєє імена української літератури", подготєвлєнной на оснєвє публїкацій журнєла "Дружба народов". Далєє будєт уместно обратїть вни́маннє слұшатєлєй на тот факт, что сєвременнєє інформаціє о событіях на ринкє української літератури мы получаем, главнєм образом, из перїодическїх изданїй. Завершєннєм встрєчи можєт слұжить поэтичєская композиція "Творчєство молодых українскїх поэтов". Она позволїт продемонстрїровать прєємствєннєсть поколєнїй в українской літературє и усїлїт ємоціонєльное воздєєствїє на слұшатєлєй.

Провєдєннє вечера можно заплєнїровать на днї празднованнїя єосударствєннєстї Україннє, отдєльных событій в історїи народа.

Слұшатєлєям и учєстнїкам вечера могут буть не только украинцы, но и все жєлающєє, посколькє сїтуация, сложївшєяся в течєннє послєдних двух дєсятілєтїй в українской літературє, отражєт тє общєє закономірнєстї, тєндєнціє и направлєннїя, которїє харєктєрнєє и для літературной сїтуации другїх народов нашєй страннє и ближнєго зарубєжья.

Выражаю благодарность преподавателю Уральского государственного университета Тудову В.А. за предоставленный ниже материал.

Заметки к истории украинской литературы 20 - 30-х годов XX века.

Аналитический обзор

Непредвзятое осмысление отечественной истории XX века немислимо без тщательной реконструкции картины литературного процесса советского государства. Украинская литература 20-30-х годов занимает в этом процессе особое место. Тенденциозно урезанный вариант литературной истории Украины, бытовавший в советском литературоведении, не позволял поставить вопрос о своеобразии и подлинной природе украинской литературы как в общесоветском, так и в европейском культурном контексте. Возвращение “репрессированной литературы”, начавшееся в эпоху перестройки, весьма обогатило общественные представления об украинской литературе, но с распадом советских межкультурных коммуникаций оказалось практически закрыто для внеукраинского читателя. Поэтому первоочередной задачей следует признать дальнейший поиск и публикацию художественных произведений и распространение их за пределы национальных границ, в первую очередь - в Россию.

Неполнота литературного контекста не позволяет пока сделать окончательных обобщений. Тем не менее, доступные на сегодня российскому читателю материалы украинского литературного процесса 20-30-х годов могут служить для некоторых предварительных замечаний.

Самый очевидный урок изучения украинской литературы говорит о неправомерности ее разделения на “репрессированную” и “официозную”. Творчество П. Филиповича, М. Зерова, М. Хвильевого, В. Пидмогильного и других не противостоит “выжившим” М. Рильскому, Ю. Яновскому, А. Довженко, П. Тычине, но воплощает общие с ними художественно-философские тенденции эпохи. Главным критерием оценки должны стать объективные художественные особенности литературы, которые и заключают в себе мироощущение, философию мира и человека.

Отметим важнейшие из "возвращенных" публикаций. Это, в первую очередь, антология украинской поэзии 20-30-х годов "Ой, упало сонце" (М., 1991), включившая стихотворения тридцати пяти неизвестных, либо почти неизвестных русскому читателю поэтов и не публиковавшуюся прежде поэму **В. Сосюры** "Расстрелянное бессмертие". Издание снабжено справками об авторах и глубокой информативно-аналитической статьей М. Жулинского "Из фаланги выбывали лучшие". Заметным литературным явлением стало опубликование романов **В. Пидмогильного** "Город" // Дружба народов.- 1992.- № 8-10) и **В. Винниченко** "Золотые россыпи" // Дружба народов.- 1991 г. - № 1) с предисловиями В. Шевчука ("Город") и А. Руденко-Десняка ("Золотые россыпи"). Событием мирового масштаба можно назвать выход на русском языке двух сборников **М. Хвильевого**, включивших его рассказы, повести, сохранившийся отрывок из романа "Вальдшнепы" и публицистический трактат "Украина или Малороссия?" (оба сборника - с предисловиями и комментариями А. Руденко-Десняка).

Пути к осмыслению украинской литературы этого периода пролагались, помимо А. Руденко-Десняка и М. Жулинского, И. Дзюбой (Пятьдесят лет спустя: украинская литература 30-х годов глазами 80-х // Дружба народов. - 1989. - № 4) и А. Знатновым (В поисках своей эпохи // Знамя. - 1989. - № 2).

Стержнем культурного процесса в Украине 20 -30-х годов являлась идея Украинского Возрождения. Именно с нею связана деятельность реабилитированной ныне писательской ассоциации ВАПЛИТЕ (Вільна Академія Пролетарської Літератури) - возможно, единственного в мировой истории творческого объединения, для членства в котором от писателя требовалась не политическая либо эстетическая тенденциозность, а собственно талант, художественная состоятельность в широком смысле слова; та же идея определяла позицию литературных группировок "Гарт", "Урбино" и других (при этом, часто в разные объединения входили одни и те же люди). Суть идеи Украинского Возрождения - простая и яркая: Украина находится на границе Востока и Запада; Запад создал изощренные художественные формы, но исчерпал свою жизненную энергию; переполненный энергией Восток пробуждается, но еще не умеет высказаться; находясь в центре цивилизации, Украина усваивает достижения европейской культуры, и, наполнив их свежей силой своего восточного начала, становится духовным лидером человечества. Эта идея типична для своей эпохи и находится в русле интернационалистских коммунистических замыслов мирового реформаторства. Такая стратегия предопределила художественную тактику, выразившуюся в формуле Хвильевого "Прочь от России, навстречу Западу" (подчеркнем, что искренний коммунист Хвильевый

говорил не о политических или социальных планах, а о создании особой новаторской литературы). Объективно эта общелитературная тенденция осуществлялась в разнообразных модернистских художественных поисках, находившихся на высоте тогдашних европейских культурных достижений и неповторимо осмысливавших социально-психологические явления Украины того времени.

Вместе с тем, нельзя говорить о простом копировании украинской литературой модернистских литературных форм Запада и России. Достижения украинской литературы ранней советской эпохи явились прежде всего развитием украинских литературных традиций, начиная с экспрессивно-публицистичной "полемической литературы" XVI-XVII веков - через изменение романтических и реалистических тенденций в творчестве Тараса Шевченко и Ивана Франко - через модернистское литературное сознание эпохи Леси Украинки и Михаила Коцюбинского (вообще, тема генезиса украинской литературы и основных черт украинской литературной ментальности должна исследоваться отдельно). То, что многие писатели и поэты в Украине 20-х годов резко, в духе времени, отвергали национальные классические традиции (например, статья М.Хвылевого и В.Сосюры "Наш универсал") - не может быть основанием для отрыва их творчества от творчества литературных "отцов" и "дедов" при серьезном анализе.

Поэтому закономерным оказалось появление в украинской поэзии начала века символистских тенденций (П. Тычина, поэты-"неоклассики" М. Рыльский, П. Филипович, М. Зеров, М. Дрой-Хмара, О. Бургардт), а также тенденций футуристских и пролеткультовских. Искания украинской прозы того периода можно определить как экспрессионистские. Речь должна идти не столько о влиянии немецкого экспрессионизма - популярного, но достаточно узкого литературного течения двух первых десятилетий XX века - сколько о принципиальном для европейской литературы того времени типе художественного мышления, предполагавшем определенное мироотношение и соответствующие ему художественные средства. Главным принципом экспрессионизма была всеохватывающая субъективная интерпретация действительности, возобладавшая над миром первичных чувственных представлений. Это обусловило тяготение к абстрактности, обостренной эмоциональности и фантастическому гротеску. Экспрессионизм воспринимал жизнь как стремительное движение, рожденное ритмом цивилизации, ощущал близость исторических переломов и тесно сопрягал внутренний мир личности с социальным бытием. Последнее предопределило использование и развитие украинской прозой 20-х годов приемов реалистической поэтики, восходящих к французской литературе (Бальзак, Мопассан, Золя).

к литературе русской (прежде всего - Достоевский) и к собственно украинской традиции (М. Вовчок, И. Франко и другие). От реалистического метода экспрессионистскую прозу отличает преимущественный интерес к человеческому сознанию; оно, по сути, и является единственным предметом изображения; картины же окружающего мира (в том числе реалистические и натуралистические) втягиваются в повествование сквозь сознание героев либо автора и служат изображению "ландшафта души". Внутреннее и внешнее уравнивалось в правах; мысль о мире, изображение потрясений и преобразований действительности связывалось с проблемой человеческого самоопределения. Экспрессионизму присуща четкость, графичность образов (часто кажущихся нежизнеподобными и причудливыми), служащих для убедительного выражения авторской идеи. Зримое недвусмысленное воплощение идеи в равной степени характеризуют и "Золотые россыпи" политического эмигранта В. Винниченко и прозу канонизированных позднее соцреалистической традицией Ю. Яновского (роман "Всадники" и др.) и А. Довженко (киноповести "Земля", "Звенигора", "Иван", "Арсенал" и т.д.). Если в произведениях двух последних использован кинематографический принцип монтажа - и отдельных эпизодов, и в целом элементов разных художественных систем от древнего эпоса до лирического сознания литературы первой трети XX века, то в романе Винниченко сходную роль играет его намеренная стилизация под французский "бульварный роман", помогающая автору привлечь на страницы книги самые разнообразные литературные иллюзии, и сочетанием их осветить непростую социальную и нравственно-философскую проблематику. Интересно, что во всех трех случаях главенствует пафос борьбы за утверждение нового социального и национального, что допускает мысль о возможности (или, по крайней мере, благородстве) революционного насилия.

Человеческое сознание в экспрессионистской поэтике самоопределяется не столько в реальном мире, сколько в мире идей. Связав свою внутреннюю биографию с какой-либо идеей, человек рискует утратить незавершенность, стать предметом. Именно эту опасность исследует В. Пидмогильный в романе "Город", повествующем о судьбе молодого писателя Степана Радченко. Передавая в своих рассказах ощущение "грандиозных сломов и взвихренный мир", Радченко использует символику предметов (брита, бронепоезд, железнодорожная станция и т. д.), соответственно изображая и людей, подчинившихся "мировому вихрю", ставших предметами. Этот художественный принцип накладывается на личность самого Степана, человека хорошего, но "с темными пятнами в душе", не склонного анализировать собственную психологию, и поэтому во многих поступках бездушного. В финале Пидмогильный

изображает прозрение героя, по-новому ощутившего мир, и решившего наконец написать роман "о людях", а не о предметах - но здесь книга заканчивается.

Анализ экспрессионистских тенденций, присущих украинской литературе этого периода, приводит нас к предварительному выводу: экспрессионистская поэтика, ставшая воплощением жизненной энергии, надежд и ожиданий поколения - как в национальном, так и в общечеловеческом смысле, - вывела украинскую литературу того времени в ряд интереснейших мировых литератур, но она же объективно способствовала утверждению в литературе соцреализма, а в обществе - привычки смотреть на мир и людей сквозь графически четкую призму идеи. Но одновременно в украинской литературе сказалась и другая важная черта экспрессионистского мироощущения, выразившаяся не в утверждении преобразований "мировых энергий", а в страхе перед ними, в страдании от бездушия "мира предметов", от контрастов живого и мертвого, духа и плоти, цивилизации и природы, идеи и жизни. В полной мере этот трагический конфликт выразился в творчестве М. Хвильевого. Большинство героев писателя не могут самоопределиться в мире застывающих форм, в каменеющем мире предметов "новой жизни", которая, тем не менее, утвердилась в результате той "взвихренной свободы" и идейной определенности, о которой они тоскуют (*рассказы "Редактор Карк", "Залок", в какой-то степени - загадочная "Повесть о Санаторной зоне"; роман "Вальдшнепы"*). Благодаря прозе Хвильевого логично говорить об отраженном в литературе психологическом явлении "новой карамазовщины" (термин из романа "Вальдшнепы"), характерном не только для героев Хвильевого. Суть этого социально-психологического явления в том, что человек, вынужденный утверждать добро путем зла, идею жизни путем уничтожения самой жизни, приходит к трагической инверсии понятий и критериев (герой рассказа "Я (романтика)", своей жизнью переосмысливающий евангелические мотивы, герой "Вальдшнепов" Дмитрий Парамонов, которому для "утверждения жизни" необходима ненависть, и который приходит в смятение, замечая в лицах врагов "лик Мадонны"). Не случаен поэтому важнейший мотив "Повести о Санаторной зоне": необходимость создать и изобразить новых людей, "красивых, сильных и сознательных" - и невозможность сделать это. Думается, Хвильевый, как немногие в тогдашней мировой литературе, сумел почувствовать неразрешимость трагической коллизии, и передал ее - не только образами героев, но и самой рваной, ломаной ритмикой своей прозы, выражающей не столько "взвихренность" мира, сколько смятенность человеческого "Я" и попытки его самоопределения.

Конечно же, украинская литература 20-30-х годов XX века требует серьезного разговора, глубокого и подробного анализа, который будет

полезен не только самой Украине, но и далеко за ее пределами. Хочется надеяться, что в недалеком будущем и украинский, и русский читатель будут иметь в распоряжении более или менее полный набор произведений того периода. Тогда появится возможность дать объективный анализ особенностей украинской литературы и как национальной, и как европейской.

Возвращённые имена украинской литературы 20 века. Обзор.

Прежде, чем познакомить слушателей с этой проблемой, целесообразно предоставить им возможность для заметок по ходу обзора в виде списка литературных произведений, о которых пойдет речь в дальнейшем. Список необходимо подготовить заранее.

Некоторые цифры: в 1930 году печатались произведения 259 украинских писателей. После 1938-го - публиковались только 36. Куда и почему исчезли из украинской литературы 223 писателя? Приблизительные подсчёты были сделаны за границей и напечатаны в книге **Юрия Лавриненко** "Расстрелянное возрождение" (Мюнхен, 1959).
175 - арестованы и сосланы, их судьба неизвестна;
17- расстреляны;
16- пропали без вести;
8- покончили жизнь самоубийством;
7- умерли своей смертью.

Одним из наиболее важных процессов, происходящих сегодня в духовной жизни Украины, является начавшееся возвращение народу и всему миру отчуждённых культурных богатств и ценностей. Прежде всего имеются в виду те из них, что в совокупности получили название "расстрелянного возрождения": это произведения литературы, искусства и науки, отражавшие культурно - национальный подъём первых двух десятилетий 20-го столетия и в годы сталинского террора "репрессированные" вместе с их авторами. Но не только: возрождаются произведения и имена художников слова, подпавших под различного рода идеологические "чистки" или ставших жертвами перестраховки, забвения, лени, упрощения вкусов и т.д..

Литературный процесс на Украине в 20-30х годах отмечен двумя большими событиями:

1) литературной дискуссией о путях развития украинской литературы 1925-1928 годов, жертвами которой стали обвинённые в национализме нарком просвещения **Юрий Шумский** и организатор дискуссии, лидер

и вдохновитель Вольной Академии Пролетарской Литературы ВАПЛИТЕ **Микола Хвильевый**:

2) в 1930 году был инспирирован процесс "Союза освобождения Украины", "контрреволюционной националистической организации"- совершенно мифической- объединявшей, якобы старую научную и литературную интеллигенцию. Этот процесс заключил многих за решетку, несколько писателей лишил жизни.

И вот сегодня их имена возвращаются, произведения открываются, порой только отрывками, фрагментами, отдельными главами, в упоминаниях и ссылках.

Подробно и профессионально рассказывает об украинской литературе тех лет филолог, публицист **Иван Дзюба** в статье " 50 лет спустя: Украинская литература 30-х- глазами 80-х" // Дружба народов.-1989.-№ 4)

Остановимся на некоторых произведениях и именах. И прежде всего, назовём **Миколу Хвильевого**. Точка зрения литератора- организатора дискуссии- в тогдашние дни была заостренно четкой: национальной культуре- полную самостоятельность и суверенность- никаких "наследований", подражаний; свой, отличный от русского, опирающийся на собственные глубокие традиции путь; в будущем культурном ренессансе Украина, в силу её специфического положения между Европой и Азией, займёт особое место... Основанная Хвильевым ВАПЛИТЕ вызвала огонь на себя. Она жаждала утверждения своих творческих принципов. Микола находился на очевидном взлёте: каждая новая публикация вызвала сильный резонанс. "Синие этюды", "Санитарная зона"- в своих памфлетах, весёлых, звонких, он громил многочисленных оппонентов.

Именно в эти дни дискуссий создан роман "Вальдшнепы" и памфлет "Украина или Малороссия?". В новом журнале "ВАПЛИТЕ" появилась первая часть романа. Но уже следующий номер был арестован ОГПУ, а все экземпляры сожжены. Тогда же подвергся уничтожению и памфлет, не появившийся даже на свет. Сегодня роман (урезанный напополам) и памфлет опубликованы в "Дружбе народов".-1990.-№ 7. Строки, написанные, как говорится, в откровенном запале, явно рассчитаны на острую читательскую реакцию. Но нужен ли вообще какой-то сегодняшшний комментарий? Ведь Хвильевый отказался впоследствии и от "Вальдшнепов" и от памфлета, резко осудил сам "хвильевизм" как общественно-культурное течение, многократно каялся в совершенных идеологических ошибках. А в 1933 году пустил себе пулю в лоб... Его оппонент **Андрій Хвеля**, дожил до 1937-го, ещё один, упоминаемый в памфлете, **Владимир Юринец**- до 1938-го.

Слушая выступления Микола Хвильевого, разные литераторы реагировали по-своему на его доводы. **Валериан Пидмогильный** назвал

его "ура-коммунистом", который "продолжает давние гопаковские традиции, ориентируясь в любых обстоятельствах исключительно на примитивность своего мышления". В литературе такой тип был опасен, что низводил её, по словам Пидмогильного, до уровня, когда художественное произведение, как только оно "не отвечает требованиям официальной идеологии, осуждают независимо от того, хорошее ли оно и нужное ли." Для себя он сделал простой, но принципиальный вывод: "Повышать уровень художественных требований в нашей литературе- это первый шаг на пути её развития". А литература будет настоящей тогда, когда в основание её будут положены актуальные национальные проблемы, а по стилю она будет стремиться к уровню мировых достижений. Вот и повесть "*Третья революция*" //Дружба народов.-1989.- №9) - об обострении связей села и города, актуальной проблеме многих времён. Ядро повести- взятие города махновцами. Но писатель стремится не к воссозданию военных столкновений, а к познанию психологии людей. Это, с одной стороны, семья городских интеллигентов, среди членов которой есть и любопытствующие обыватели, и активные участники вооружённой борьбы. А с другой, "грязные лохматые парни", которые выплеснули давнюю, слепую месть села за ложь и унижение, исходившее от города, "откуда шли все приказы, куда увозились подати, где жили помещики, исчезал выращенный в степях хлеб".

Но город надо завоёвывать не оружием, считает автор. О том, как стремилась крестьянская молодёжь "выйти в люди", овладеть наукой, культурой, поднять национальное самосознание народа, Пидмогильный рассказывает в своём вершинном произведении 1927 года- романе "*Город*" //Дружба народов.- 1992.-№8. Энергичный сельский юноша Степан Радченко приезжает в большой город, где он поступает в технический вуз, увлекается литературной жизнью, начинает писать сам, становится известным писателем.

Официальной критикой роман был принят с раздражением, а со временем- его запретили. Против Пидмогильного организовали целую кампанию, была даже выпущена "обличающая" книга. Писатель держался мужественно, пытался доказать свою правоту, но всё было напрасно. В 1934 году он осуждён по процессу "Союза освобождения Украины", а в 1937 году по решению особой тройки УНКВД расстрелян.

"Особая тройка" в тот день вынесла такой же приговор и **Павло Филиповичу**. В литературных кругах 30-х годов его знали как поэта-мыслителя. Строгость и сдержанность образного самовыражения поконились на глубокой филологической культуре стилистики и формы.

Единый дух единым правит светом,

Единый путь в грядущее зовёт,

И мы умрём с единственным заветом

В своих сердцах, где вечный наш оплот.

Мы красоту спасём, и над руиной
Жизнь вновь взойдёт- прекрасней чем была-
Великой грёзы, мудрой и единой
Всемирные звонят колокола.

Века летят, и в беспредельном море
Для сей земли горит звезда одна,
Соединятся все в одном просторе-
Зверь, человек, цветок, голубизна.

Его стихи в "Дружбе народов".-1993.-№ 1 .

Поэтом горькой правды и трагического драматизма называли **Евгена Плужника** - яркого, самобытнейшего поэта советской Украины 20-30-х годов. Начав печататься с 1923 года, он стал автором стихотворных сборников "Дни", "Ранняя осень", романа "Недуг", пьес "Профессор Сухораб", "На дворе в предместье". А в 1934 году его захлестнула волна арестов после убийства Кирова. Больной туберкулёзом, он не вынес тяжёлых условий Соловецкого лагеря- умер в 1936 г.

Я- как и все. И штаны из рядна.
И сердце мое наган.
Видел я жизнь до последнего дня
Сотнями ран.
Вот! И ладонью зажди свой рот.
И говорить не смей.
После огромный посев взойдет
Молчанием верных дней.
Полно! Не надо газетных фраз!
Скажется боль сама!
Вырастет молча новый Тарас
В поле, где кровь и тьма.

Знакомьтесь со стихами в "Дружбе народов".-1990.-№3.

1937... Сколько жизней он унёс... **Василь Стус** в это время только родился. Начал писать стихи уже после смерти Сталина, на филологическом факультете Донецкого пединститута. В 1963 году поступил в аспирантуру Института литературы им. Т.Г.Шевченко. Писал. Занимался переводами. В 1965-исключён: выступил с протестом против политических арестов, прокатившихся по Украине в середине того же года. 1972 год- первый арест. Его стихи и статьи на суде фигурируют как вещественное доказательство его "антисоветской деятельности". Суд был предельно точен в оценках:стихи оценены в 5 лет строгого режима в мордовских концлагерях. После лагеря- 3 года

на Колыме. В 1979 году, когда вернулся, сразу вступил в Украинскую Хельсинскую группу. 1980 год - второй арест и срок-10 лет лагеря особого режима. Это был, по сути, растянутый во времени смертный приговор. Стус умер в тюремном карцере. Что заставляло этого человека быть таким упорным, настойчивым, упрямым в своих принципах? Что двигало им в отстаивании своего мировоззрения, несмотря на огромное сопротивление? Возможно, он просто верил, что однажды его слова достигнут до читательского понимания, что его поэзию смогут оценить. Один из переводчиков Стуса Беринский написал: "Поэт оказался неубиваемым: он потерял оболочку, но жив его Дух, его Совесть. Его сладостный сон о Свободе." Его стихи представляют "Дружба народов".-1990.-№ 4 и "Грани".-1995.-№ 177.

Говоря о возвращении украинской литературе писательских имен, нельзя обойти и вопрос об украинской литературе за рубежом. Около трёх миллионов украинцев живут сегодня в странах Западной Европы, Канаде, США, странах Латинской Америки, Австралии. Эту ситуацию рассматривает и представляет таланты украинского зарубежья всё тот же **Иван Дзюба** в статье "Преодоление остракизма"// Дружба народов.-1989.-№ 12.

Один из них- **Владимир Винниченко**. Писатель, творчество которого ознаменовало новое направление в развитии украинской литературы, слава которого гремела на родной земле почти три десятилетия, был грубо,безжалостно выброшен из пантеона национальной культуры,книги его изъяты из библиотек, а на имя наложено идеологическое вето. Драматург, его пьесы интриговали, восхищали и раздражали. Революционер, он горячо протестовал против социальных несправедливостей, и, будучи председателем нового правительства Украинской Народной Республики в 1918 году, соблюдал и отстаивал интересы рабочих. Но, сражённый непониманием, сомнениями, негодованием от творившегося вокруг беспорядка, в 1919 году Винниченко выезжает в Австрию. И становится... "старым волком украинской контрреволюции", гонорары которого конфискуются специальным постановлением Наркомфина СССР, издание произведений прекращается, книги изымаются из библиотек.

Это полное отлучение от Родины Винниченко переживал тяжело, с нервным потрясением.

"На ту сторону" //Искусство кино.-1992.-№ 5 - один из лучших образцов прозы писателя. Эта повесть написана "след в след" за событиями гражданской войны на Украине, она позволяет увидеть кровавую революционную драму "с той стороны", т. е. из-за границы.

"Дневники", опубликованные в "Дружбе народов".-1989.-№ 12, относятся к 1920-м годам, времени написания этой повести, времени освоения и поиска себя вдали от родины.

А в 1926 году Винниченко пишет роман "Золотые россыпи". В упонительном, всегда прекрасном Париже найдены документы, скрывающие тайну золотых залежей на Украине. В бесконечную суету вокруг них становятся втянутыми и незадачливый комбинатор Финкель, и вор-финансист Крук, и бывший офицер Терниченко, и чекисты Загайкевич с Соней, и французский сенатор Гренье.

Первоначально автор назвал свой роман "Утерянный рай". И дело не только в том, что он обрывается на трагической ноте, но он буквально пропитан тоской по Украине, которая объединила столь разных людей и навсегда превратилась для самого Винниченко в тот самый утерянный рай. Знакомьтесь с романом в "Дружбе народов".-1991.-№ 1.

Василь Барка- это имя малоизвестно. Однако за ним давно закрепилось звание мэтра украинской поэзии- в мировых литературных кругах он известен как мастер поэтической филигранги, вербальной живописи, как один из наиболее самобытных лириков послевоенного времени. Уже с первых публикаций в начале 30-х годов стало ясно, что в литературу пришёл человек образованный, талантливый, склонный к философскому мышлению. Дальше- война, ранение, плен, до 1950 года-Германия, затем- США.

"Жёлтый князь" - роман, написанный в 1963 году, стал для Барки подлинным гражданским подвигом. Тут впервые было сказано о чудовищном голоде 1932-1933 годов, унесшем около 12 млн. человеческих жизней. На примере жизни и смерти семьи Мирона Катранника писатель пишет историю геноцида украинского народа "под мудрым руководством" Сталина, Молотова, Постышева, Кагановича, даёт анализ причин и мотивов этой народной трагедии, осмысливая происходящее под углом надежд на конечную победу духа над смертью, Бога- над Дьяволом, грядущей истины- над тем чудовищем, которое и есть- Жёлтый князь.

Роман опубликован в "Дружбе народов".-1991.-№ 11.

А "Дружба народов".-1991.-№ 4 представляет украинского поэта, всю жизнь прожившего в Польше, **Богдана - Игоря Антонича**. Вся его жизнь- это 28 лет. Однако наследие его значительно: три книги своих стихов он успел подержать в руках, посмертно вышли ещё 2 сборника, и ещё один, посвящённый религиозной теме, увидел свет лишь в американском издании собрания сочинений Антонича в 1967 году. Несколько стихов из разных сборников представлены на страницах журнала.

Поколения украинцев, волею судьбы оказавшихся в разных землях и странах, тысячами незримых духовных нитей остаются связанными с Украиной. Народу должно быть доступно всё, что создано руками его сынов и дочерей в разные времена и в разных концах света.

Литература.

1. Антонич Б.- И. Горенье душ, веселье тел и хмель влюблённых.../ Пер. с укр. и вступ. слово С. Витковского // Дружба народов.- 1991.- № 4.- С.116-120
2. Барка В. Жёлтый князь: Роман / Пер.с укр. Л. Танюка// Дружба народов.-1991.-№ 11.- С. 3- 91
3. Винниченко В. Золотые россыпи: Роман / Пер. с укр. А.Руденко-Десняка// Дружба народов.- 1991.- № 1 .- С.3-136
4. Винниченко В. Из дневников / Пер. с укр. А.Руденко- Десняка// Дружба народов.- 1989.- № 12.- С. 161-205
5. Винниченко В. На ту сторону: Повесть// Искусство кино.- 1992.- № 5.- С. 120-155
6. Дзюба И. Преодоление остракизма: Литература украинского зарубежья// Дружба народов.-1989.-№ 12.- С. 246-261
7. Дзюба И. Пятьдесят лет спустя: Украинская литература 30-х- глазами 80-х // Дружба народов.-1989.-№ 4.- С. 210-237
8. Пидмогильный В. Город: Роман / Пер.с укр. С. Мовчан // Дружба народов.-1992.- № 8.- С. 195-243
9. Пимогильный В. Третья революция: Очерки/ Пер. с укр. С. Мовчан // Дружба народов.-1989.- № 9.- С. 164-192
10. Плужник С. Истина взрывается навзрыд... / Пер. с укр. Ю. Кузнецова // Дружба народов.- 1990.-№3.- С. 173-176
11. Стус В. Стихи / Пер. с укр. и вступ. ст. Л. Беринского // Дружба народов.-1990.- №4.- С. 162-167
12. Стус В. Страсти по Отчизне: Стихи / Пер.с укр. и предисл. А. Закуренко // Грани.-1995.-№ 177.- С. 5-19.
13. Филипович П. Единый дух единым правит светом... / Пер. с укр. Л. Черевичника // Дружба народов.- 1993.-№ 1.- С. 72-74
14. Хвылевый М. Вальдшнепы: Роман; Украина или Малороссия? : Памфлет / Пер. с укр. А. Руденко-Десняка // Дружба народов.- 1990.- № 7.- С. 150-200

Книжный рынок украинской литературы сегодня.

Краткий обзор.

Разговор о современной ситуации на книжном рынке Украины можно начать со статьи **Константина Родина**, опубликованной в "Книжном обозрении" 29 октября 1996 г. Статья называется "Три источника и три составные части кризиса украинского книгоиздания." Общеизвестен факт, что книгоиздание (в том числе и российское) претерпело кризис. Такова же участь и украинских книжных изданий. Книжные линии крупнейших типографий загружены лишь на 10-15%. Официальная статистика указывает цифру обеспеченности школьников учебниками, она составляет 44%. Условно можно выделить три этапа кризиса украинского книгоиздания. Первый этап автор статьи называет "конкистадорский" - т.е. в украинском книгоиздании образовалась ниша, которая и заполнилась пиратскими изданиями, рассчитанными на невзыскательного читателя и выполненными на низком художественно-полиграфическом уровне. Следующий этап - "интеллектуальный." Начинает издаваться литература на философско-религиозные темы- книги Канта, Ницше, Юнга, Кафки. Однако хроническое отставание от российских коллег погубило ожидавшуюся "украинизацию" любителей философского чтения. Круг потребителей такого рода литературы достаточно стабилен, он, этот круг, свободно владеет русским языком и поэтому для него не так важен язык издания, как момент его первого появления в продаже.

И весной 1996 года прозвучал третий кризисный взрыв - законодательный. В украинском парламенте до сих пор не принят закон о поддержке национального книгоиздания. И поэтому себестоимость книги стала "золотой". Реальные же заработки граждан, потенциальных читателей-покупателей, остались, практически, на стартовой черте. Таким образом, книга превратилась в малодоступный товар.

Но несмотря на этот кризис, мы можем говорить о том, что крупнейший в постсоветском культурном пространстве книжный рынок(после российского) - это рынок Украины . По средствам массовой информации Украины циркулирует цифра - 750 издающих организаций. Какие же новинки нам могут предложить книжные издательства?. В журнале "Витрина".- № 9-10. - 1996 г. в рубрике "Блиц СНГ" рассказывается о многочисленной авантюрной прозе. Среди "чемпионов" неизменно фигурируют следующие издания: В.Кашин "Кровавый блеск алмазов", Ю.Винничук "Девы ночи", П. Загребельный "Ангельская плоть".Конечно, велик интерес среди читателей к произведениям популярных писателей - эмигрантов

русской и украинской диаспоры. Например, киевское "Знание" романом М.Ковшуну "Мстительница Мавра" открыло многотомную библиотеку журнала "Памятки Украины". Есть чем похвастать перед российскими коллегами и местным переводчиком. Киевский "АСК" может козырнуть "Ангелом мертвой реки" Ж.Блона, а харьковский "Инарт" - собранием сочинений Э.Уоллеса. Охотнее всего "разбирает" публика криминальные романы. Одним из наиболее распространённых является книга "Возвращаться в прошлое- опасно!" вольнянина из города Луцка С.Бортникова. В "Новом книжном обозрении" № 13 за 1996 год в рубрике "Издательское дело: наука и практика" помещена статья "Бывшие" не сдаются" Константина Родика. В публикации автор пытается проанализировать ситуацию на книжном рынке на примере виднейших книгоиздательств. Упоминается лидер украинского книгоиздания - "Днипро", которое издало давно ожидаемого "Дон Кихота" Сервантеса в переводе Миколы Лукаша. Многотомный проект "Исторія України в документах і прозових творах" интересен в планах "Україны" (доперестроечный "Политиздат Украины") "Мистецтво" выпустило несколько рейтинговых книжек. Одна из них - беллетризованная монография Анатолия Макарова "Світло українського барокко". Издала бестселлер конца минувшего столетия и "Веселка" - "Запорожье в остатках старины и преданиях народа" Дмитрия Яворницкого. Львовское государственное издательство "Каменяр" приступило (совместно с частной фирмой "Оксарт") к публикации 80-томного собрания сочинений Александра Дюма в украинском переводе. В рубрике "Очень ближнее зарубежье" журнала "Витрина". - 1996. - № 6 опубликована статья "Красивое и смелое издание." В ней рассказывается о появлении на Украине журнала - "Друкарство". Журнал знакомит с программой развития национального книгоиздания (здесь свыше 750 издательств), публикует репортаж из Храма книги, которым стал для страны музей в Печерской Лавре. Вызывают интерес материалы под разными рубриками.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гелертер Ю. Украинский рынок приключений //Витрина. - 1995. - № 9-10. - С. 49.
2. Обризан А. Красивое и смелое издание //Витрина. - 1996. - № 6. - С.30.
3. Родик К. Бывшие не сдаются //Новое книжное обозрение. - 1996. - №13. - С. 59.

Украина поэтическая. Литературная композиция по творчеству молодых украинских поэтов.

Творчество молодых украинских поэтов разнообразно и многолико. Выходя из литературных украинских традиций, глубин народного фольклора, оно отражает современные проблемы и ведёт поиск новых форм поэтики.

Рассказывая о произведениях поэтов последних 5 - 7 лет, мы не будем особенно углубляться в специальные литературные термины, не будем пытаться привязать имя к тому или иному литературному течению: метафористам или традиционалистам, авангардистам, провозглашающим поэзию структуры или поэзию "я". Мы почитаем их стихи, а через них сможем определить поэтические особенности того или иного автора и решим, каждый для себя, что нам нравится больше или меньше.

Стихотворение "Подорожник".

Стоит край дороги
хлопчик в рубашке рваной
- Я- подорожник,
приложите меня к ране.

Никто из прохожих
шаг не замедлит, не станет.
- Я- подорожник,
приложите меня к ране.

Визг тормозов! И волчьим
взглядом задело до боли:
- Чего слоняешься, хлопче?
Жить надоело, что ли?

Смешок вонзился, как ножик,
а он шевелит губами:
- Я ж... подорожник...
приложите меня к ране...

Автор этого стихотворения - **Иван Малкович**, он родился в 1961 году в селе Нижний Березов Полтавской области, закончил Киевский Университет.

Иван родился и вырос на Гуцульщине и его творчество корнями уходит в глубины фольклора, несёт отпечаток единения с родной природой, редкой и самобытной красотой этого края.

Переводчики стремятся не утратить и донести до читателя шемящую ноту гуцульской скрипки, присутствующую в поэзии И. Малковича и это им удаётся, хотя и с трудом.

Стихотворение "На пашне":

Конь в яблоках тянул что было сил,
а было сил не так уже и много.
Конь старый был. И я его просил:
- Не наступи, родимый, мне на ногу!

И не впрягали бы его, да он
не просто ржал- молил, чтоб запрягали.
Когда пошёл, то борозде в подол
так яблоки с него и опадали.

Босые шли. И думал думу конь,
слезами думал, прямодушным взглядом:
что мне - ещё не надобно подков,
ну а ему- уже подков не надо.

Когда в межу уткнулась борозда,
конь лёг на землю. И уже надолго.
Напрасно я заглядывал в глаза:
-Ну наступи, родимый, мне на ногу!

В основе творчества поэта единство двух противоположных планов изображения: реального и символического. В стихотворении "На пашне" развивается вполне реальный сюжет, но обозначая его в первом четверостишии, автор переходит к изображению метафорического характера. Необычны символические сравнения: "... и борозде в подол так яблоки с него и отпадали...", "...думу думал конь, слезами думал, прямодушным взглядом..."

Действительно осуществить перевод подобных стихотворений очень сложно, и наиболее характерное в композиционном отношении стихотворение И.Малковича "Рыба, которая против речки протяжно плавёт..." мы представляем в оригинале:

Риба, яка проти річки протяжно пливе,
уповільнює воду, завертає її, відсуває-
ї за тим ось корчем- вже початок могого

дитинства:

час, коли я насліду вприсив свого тата
серед ночі йти рибу ловити на світло, -
отоді ж то я кладки в чотири заходи не
перейшов...

А вот другая поэтика, другой автор:

Ужель рассветает?

Сомкнулась вода над челом.

И песня качалась, как лодка, всё дале и дале.

Звезда поминальная молча цвела за стеклом.

И молча под нею готовые кони стояли.

Народ... Милосердие... Дух...

Извините, вы есть?

Под небом высоким хоть слово вы скажете
ныне,

Когда, как своё, вы берёте последнее здесь:

Зажжённую свечку и горстку земли с

Украины?

На что же надеяться?

Лист прикипает к столу.

За нашей душою не будет ни ада, ни рая..

И печь провалилась, и ветер швыряет золу

В залузганной хате, где плачет свеча,

догорая.

Так что же останется?

Страх, что не ведает сна,

И власть, с колыбеди слепая, Сибирь да

темница...

Ужель рассветает?

Но в медном быке тишина.

И жутко смеется отчаянный, злой

Острица.

П. Гирнык. “Шевченковская ночь”

Трагическая интонация строк, в которых возникает образ Украины, диктуется памятью народа, памятью многострадальной земли. Корни поэзии **П. Гирныка** тоже уходят в фольклор, но это фольклор уже восточной Украины, резко отличающийся в силу исторических, да и

географических причин, от западноукраинского. Поэтому в его творчестве есть что-то от казацких балладных исторических песен, он пытается в своих стихах возродить сугубо украинскую поэтику.

В своё время это удалось гениальному Тарасу Шевченко, чьи традиции долгое время понимались односторонне: только внешний дух протеста, непокорности и бунтарства, а на традиционную оригинальную поэтику, не похожую ни на одну из славянских, редко кто обращал внимание. П. Гирнык рискует продолжить и развить именно эти традиции, рискует, потому что силовое поле творчества великого Кобзаря настолько мощное, что приблизившись к нему легко начать писать "под Шевченко". В своих лучших стихах молодому поэту удаётся избежать этого.

Творчество молодых украинских поэтов несёт на себе отпечаток не только традиций Т. Шевченко, но и поэтов "серебрянного века" (Н. Заболоцкого, О. Мандельштама). Такова поэтика **Игоря Виннова**. Для его произведений не характерно традиционное стихосложение, потому ценность их не в тематической наполненности, не в композиционной целостности, а в метафоричности.

Стихотворение "Исследователь":

Иезуит крапивного узора
слепой иглой латает карту зверя,
он гордых примеряет к высшей мере,
он табуретку ставит к эшафоту...
Следить за ним, вникать в его работу
страшней, чем заблудиться в коридорах.
Он плачет над подопытным клиентом,
и вынимает звёзды из созвездий,
а жертва прорастает изнутри
татуировкой правильных отверстий,
и Млечный Путь ползёт, как перфолента,
и палачи выходят из витрин.
А мученик пузырится ежом,
как внутренности шариковой бомбы.
Полупроявлен жизненный объём,
он узнаёт себя на негативах.
Он просветлён, как небо после взрыва,
как полумесяц, вывернутый ромбом.
Перед лицом застигнутый врасплох,
безмолвно входит в раму повторений,
припоминает чьё-то отраженье
и, натянув на голову чулок,
разыгрывает сцены преступлений,
но... прилипает к пяткам потолок
и прекращает всякое движение.

Причину того, что поэт избрал подобный стиль стихосложения, критики видят в поисках новых ориентиров, новых эстетических воззрений на мир. Однако, они предостерегают автора от того, чтобы подобное “гримасничание” не переросло из особенности, оригинальности творчества в недостаток.

Ночь наступает без примет.
Продавлен воздух черными стволами.
Река совпала с берегами.
Лес напряжен,
в нем взвешен синий цвет.

Наконец, следует отметить, что в современной украинской литературе, точно также, как и в российской, точно также как и в 20-е годы появляются новые литературные течения. “Бубабисты”- так смешливо нарекли себя несколько западноукраинских поэтов. От сложносокращённого “бубабу”- буффонада, балаган, бурлеск. Александр Ирванец, Виктор Неборак, Юрий Андрухович, Андрей Панчишин, Владимир Цыбулько, Александр Гриценко так или иначе оказались близки балаганному мировидению.

Надеемся, что некоторые стихи этих авторов дадут представление о том балагане, какой устраивают в украинской поэзии бубабисты.

В одном государстве (каком? позабыл...)
король дальновидно монаршил.
Единогo сына для трона растил:
лет в десять тот был уже маршал.

И счастье сверкало для малых сних...
Но как-то, стране не во благо,
дитя королевское в море - бултых!
Утоп на мели бедолага.

Король поседел, и моря не взлюбил,
и начал преследовать воду.
Как бдительный пастырь, навек запретил
купаться и мыться народу.

Фонтаны пресёк, обрубил водосток,
в колодцы поставил заглушки.
Засыпал болота, и льды истолок,
и тучи дырявил из пушки.

А первый визирь растолстел до фига,

работая в ритме жестоком:
и реку, и пруд обнося на века
локальную зоной под током.
И лужи повымерли все до одной:
казнили их смертною карой!
Монаршил король неизвестной страной...
А впрочем, я вспомнил,- Сахарой.

После краткого обзора творчества молодых украинских поэтов, гостям вечера предлагается прочесть на выбор несколько стихотворений, не прозвучавших в обзоре. Их необходимо заблаговременно приготовить на отдельных листах.
(см. Приложение №1).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гирнык П. Огонь негасимый: Стихотворения. / Пер. с укр. Ю.Кузнецова //Дружба народов. - 1989. - № 1. - С. 78 - 79.
2. Кручик И. Устроенье балагана. // Литературная учеба. - 1989.- № 4. - С. 28-31.
3. Мовчан П. В ожидании разговора. // Литературная учеба. - 1989. - № 4. - С. 23-27.
4. Чубур В. Парадоксы родственного или размышления переводчика о непереводаимом. // Литературная учеба. - 1989. - № 4. - С. 17-22.

Обзор выставки “Литературная Украина”.

Выставка “Литературная Украина” представлена в годовом цикле “В зеркалах культур”, разрабатываемом на основе материалов периодических изданий.

Первый раздел выставки представляет украинских писателей и поэтов, репрессированных в 20 - 30-х годах, и потому современному читателю не известных.

Вернувшись из советского небытия в перестроечные годы, произведения Миколы Хвильевого, Валериана Пидмогильного,

Владимира Винниченко, Богдан-Игоря Антонича и др. станут новой страницей украинской литературы XX века.

Эхом этой новой волны отозвались в конце 80-х - начале 90-х годов толстые российские журналы: появились русские переводы в "Дружбе народов", "Знамени", "Молодой гвардии", "Москве", в журнале Союза писателей Украины "Радуга".

Выставка позволяет увидеть и жанровое разнообразие возвратившейся к читателю литературы: романы "Вальдшнепы" М. Хвелевого, "Город" В. Пидмогильного, "Золотые россыпи" В. Винниченко; повесть "На ту сторону" В. Винниченко; рассказы и очерки Пидмогильного "Сын" и "Третья революция".

Поэзия представлена стихами Евгена Плужника, Богдан-Игоря Антонича, Микола Зерова, Павло Филиповича и др.

Наряду с журнальными публикациями выставка предлагает вниманию читателей книги, изданные в последние годы.

Литература к I разделу:

1. Антонович Б.-И. Горенье душ, веселье тел и хмель влюбленных... / Пер. с укр. и вст. сл. В. Витковского // Дружба народов.- 1991.- №4.- С. 116-120.
2. Вернадский В.И. Украинский вопрос и русское общество // Дружба народов.- 1990.- № 3.- С. 247 - 254.
3. Винниченко В. Золотые россыпи: Роман / Пер. с укр. А. Руденко-Деснянка // Дружба народов.- 1991.- № 1.- С.3 - 136.
4. Винниченко В. Из дневников / Пер.с укр. А. Руденко-Деснянка // Дружба народов.-1989.- № 12.- С. 161 -205.
5. Винниченко В. На ту сторону: Повесть // Искусство кино.- 1992.-№ 5- С. 120-155.
6. Дзюба Н. Пятьдесят лет спустя: Украинская литература 30-х годов - глазами 80-х // Дружба народов.-1989.- № 4.- С. 210 - 237.
7. Жулинский М. Художник, распятый на кресте политики: Судьба Владимира Винниченко // Дружба народов.- 1989.- № 9.- С.147 - 160
8. Зеров М. Сонеты и александрийские стихи / Пер. с укр. Л.Черевичника // Дружба народов.- 1990.- №12.- С.169-171.
9. Ой, упало солнце: Из украинской поэзии 20-30-х годов: Пер.с укр. / Послесл. М. Жулинского; сост. В. Крикуненко.- М.: Худож. лит., 1991.- 508 с.
10. Пидмогильный В. Город: Роман / Пер. с укр. Е. Мовчан // Дружба народов.- 1992.- № 8.- С. 195 - 243.
11. Пидмогильный В. Сын: Рассказ //Знамя.-1991.-№ 8.- С.102 -113.
12. Пидмогильный В. Третья революция: Очерки //Пер.с укр. Е. Мовчан // Дружба народов.-1989.- № 9.- С.164-192.

13. Плужник Е. Истина взрывается навзрыд /Пер. с укр. Ю. Кузнецова //Дружба народов.-1990.- № 3.- С. 173 - 176.
14. С порога смерти: Писатели Украины - жертвы сталинских репрессий. Вып. 1 / На укр. яз. - Киев: Радянський письменник, 1991.- 495 с.
15. Сосюра В. Крылья: Стихотворения и поэмы: Пер. с укр./ Вступ. ст. С.Тельнюка: Сост. В. Сосюра.- М.: Худож. лит., 1988.- 302 с.
16. 33-й: Голод: Народна Книга-Меморіал / Підготовлена Л. Коваленко і В. Маняком.- Київ: Радянський письменник, 1991.- 584 с.
17. Фименович П. Единый дух единым правит светом... / Пер.с укр. Л. Черевичника // Дружба народов.-1993.- № 1.- С. 72-74.
18. Хвылевый М. Вальдшнепы: Роман / Пер.с укр. А. Руденко-Десняка //Дружба народов.- 1990.- №7.- С. 150-200.
19. Хвылевый М. Заулук // Радуга.- 1989.- № 12.- С. 15 - 21.
20. Хвылевый М. Синие этюды: Повесть, рассказы / Пер. с укр. А. Руденко-Десняка.-М.: Сов. писатель, 1990.- 496 с.

Второй раздел описываемой выставки рассказывает об украинской литературе 60-80-х годов.

Открывает его лирика Василя Стуса, замечательного поэта, умершего в тюремном карцере в 1985 г. Литературу украинского зарубежья представляют роман Василя Барка “Желтый князь” (написан в 1963 г.) и стихи Микола Руденко. Здесь же статья Ивана Дзюбы и Юрия Покальчука о национальных особенностях эволюции диссидентства.

80-е годы обозначены, главным образом, поэзией: Наталка Белоцерковец, группа “Бу-ба-бу”, Дмитро Павлычко, Микола Лукив и др. Из прозы - исторический роман Дмитрия Мищенко “Синеокая Тиверь”.

Говоря об украинской литературе, нельзя обойти вниманием публикации к последним юбилейным датам Т.Г. Шевченко. Неизбывен интерес русской литературы к творчеству украинского гения. К 175-летию Т.Г. Шевченко поэт Юрий Петров подготовил новый полный перевод “Кобзаря”. В предисловии к подборке стихов из этой книги (ей отдано 13 лет работы) он пишет: “Кобзарь” переводили вчера, переводят сегодня, будут переводить завтра... Это вечное духовное богатство украинского народа”.

“Властелин в царстве духа”- это монументальное определение Ивана Франко стало заголовком статьи С. Пожара к 180-летию Шевченко в журнале “Кодры. Молдова литературная”.

Литература ко II разделу:

1. Барка В. Желтый князь: Роман / Пер.с укр. Л.Танюка //Дружба народов.-1991.- № 11.- С.3-91.
2. Белоцерковец Н. Мы умрем не в Париже: Стихи / Пер. с укр. И. Кабыш //Дружба народов.- 1990.- № 9.- С.3-5.
3. Группа "Бу-ба-бу": бурлеск , балаган , буффонада: Стихи / Пер. с укр. и вступ. сл. Е. Трофимовой //Дружба народов.- 1994.- № 11 .- С. 142-146.
4. Дзюба Н. Преодоление остракизма: литература украинского зарубежья // Дружба народов.- 1989.- № 12.- С. 246 - 261.
5. Мищенко Д. Синеокая Тиверь: Историч. роман // Молодая гвардия.- 1990.- № 8.- С. 12-192; № 9.- С. 76-115.
6. Павлычко Д. Великий мастер: (О Шалом-Алейхеме) / Год за годом: Литер. ежегод.- М., 1985.- Вып. 1.- С. 342 - 345.
7. Павлычко Д. Стихи: (Еврейские мотивы): на укр. яз.// Год за годом: Литер. ежегод.- М., 1985.- Вып. 5.- С. 388 -399.
8. Покальчук Ю. Эволюция диссидентства: национальные особенности //Континент.- 1996.-№ 2.- С. 226-234.
9. Пожар С. "Властелин в царстве духа" (К 180-летию Т. Шевченко)//Кодры. Молдова литературная.- 1994.- № 11-12.- С. 226-232.
10. Руденко М. Свободная душа превьше всех скорбей... (Пер.с укр. //Дружба народов.- 1991.- № 5.- С. 94 - 98.
11. Стус В. Стихи / Пер. с укр. и вступ. сл. Л. Беринского //Дружба народов.- 1990.- № 4.- С. 152 - 167.
12. Стус В. Страсти по Отчизне / Пер. с укр. и предисл. А.Закуренко // Грани.- 1995.- № 177.- С. 5-19.
13. Шевченко Т. Стихи / Всуп. сл. Ю. Петрова //Москва.- 1989.- №3.- С. 64-66.

Полемические заметки Вадима Скуратовского "Украинская культура XX века" //Театр.- 1990.- № 10 определяют тему **третьего раздела** выставки. Ретроспективная публикация Федора Варнаховского в рубрике "Памяти погибших спектаклей" - о запрещенном в 1956 году "Дни Турбиных" в театре им. Леси Украинки - проясняет (или отменяет) ситуацию в культурной жизни Украины 60-х годов.

Здесь же знаменитая хроника Анатолия Стреляного "Кино про Украину. Полемическое путешествие".

Дополняет картину украинского кинематографа начала 90-х годов публикация в рубрике "Разборы и размышления" (журнал "Искусство

кино”), названная редакцией “Начать сначала. Портреты украинских документалистов перьями украинских критиков”.

Следует отметить, что после 1991 года поток переводов с украинского иссяк. В 1992 - 1996 годах мы насчитали несколько публикаций в “Авроре”, “Дружбе народов”, “Континенте” и “Кодрах”. Поэтому русскому читателю представить себе панораму литературной Украины 90-х годов сложно.

На материале имеющихся в библиотеке фондов оригинальной украинской литературы обнаруживается тенденция в национальном книгоиздательстве - создать художественную историю Украины. Серия “Украинский исторический роман” выпущена в Киеве украинским Центром духовной культуры. Тут имена от Ивана Франко до Павла Загребельного.

Во Львовском издательстве “Червона калина” выходит в свет “Историческая библиотека.” Многотомное издание представляет читателю романы: “Иерусалим на горах” Романа Федорова, “Холодный Яр” Юрия Горлис-Горского, повести Богдана Лепкого и Андрея Чайковского и других украинских писателей XX в.

Литература к III разделу:

1. Варнаховский Ф. Дело Турбиных : К истории запрета “Дней Турбиных” в Киеве // Театр.-1990.- № 8.- С.108-117.
2. Дмитренко А. Украинский вернисаж в 3-х отделениях //Аврора.- 1995.- № 3.- с. 84-85.
3. Иняхин А. Танцующие сны: на спектаклях Анатолия Бедычева // Театр.- 1991.- № 7.- С. 22 - 29.
4. Качрантанов Ю. Украинский вопрос //Дружба народов.- 1993.- № 10.- С. 175 - 184.
5. Начать сначала: Портреты украинских документалистов перьями украинских критиков //Искусство кино.- 1991.- № 5.- С. 48 - 61.
6. Олейников Б. Национальное достоинство и достояние //Наш современник.- 1989.- № 9.- С. 69 -78.
7. Скуратовский В. Украинская культура - XX в.: полемические заметки //Театр.- 1990.- № 10.- С. 62 - 74.
8. Стреляный А. Кино про Украину : Политическое путешествие //Дружба народов.- 1992.- № 4.- С. 187 - 219.
9. Ульянов. Происхождение украинского сепаратизма // Москва.- 1992.- № 10-11.- С. 140-153.

Приложение № 1

Павло ГИРНЫК

* * *

Отступит, пройдет, отшумит — и ни зги, ни следа.
Окликнут тебя.

Обернешься — ни черта, ни бога.
Тьма зыбку твою раскачает туда и сюда,
И чуть ли не в сердце вонзится слепая дорога.
Идем или пятимся? Берегом. Тихо. В дыму.
Детей нерожденных оплачут пустые деревни.
— Вези на тот берег! — кричу.

В никуда. Никому.
От этой земли отрекаются даже деревья.
Отступит, сожмется, в чужие втечет кулаки,
Снечется в огонь, в ядовитую зимнюю стужу.
— Вези мою душу! —

Уже ни челна, ни реки, —
— Вези на тот берег, Харон, мою бедную душу!

* * *

Что же нам выбрать, когда мы летим под откос:
Вещее слово? Безмолвие молитвенной боли?
Души отпетые время пронзают насквозь,
Отблеск бросая на наши сердца и обоймы.

Вечное что-то стирает следы на земле,
Во временах мы блуждаем, судьбой не любимы.
И размываются в сивой клубящейся мгле
Блудные наши пути и огонь негасимый.

Линия жизни. Ладонь ледяная времен.
Пуля горячая, камень, пропитанный кровью, —
Все преходящее и все не твое испокон,
Жив только ветер и крылья у нас в изголовье.

Хватит нам ссориться, братья, теряя свой час,
Хватит молиться на латку озимого жита!
Слушаем сердце, а сердце не слушает нас.
Светлые строим хоромы, а некому жити.

Ни слова, брат!

Холодный дым горчит,
По высохшему руслу протекая.
Разбитое плечо кровотоцит
Под стершейся шлеей чужого края,
Что был любим...

Ты слышишь: снова ал.
Кровавый ад под нашими ногами,
Где пленники через плечо глядят
На дом, что исчезает за холмами.
Идут... Куда? К заклётым берегам?
Волнами дым разносит ветер шумный.
Стоит среди орды пустой наш храм —
Босой, простоволосый и безумный.
Будь проклята отчизна,

где сыны.
Склоняясь перед волею тирана,
Ведут на медный оклик старины
По лезвию слепого ятагана
Родную мать...

Свеча Евгена Плужника

Еще хватит нам, брат, и высоких снегов,
И казенных сапог, и рядна...
Кто спасет, если рушится купол веков
И вот-вот догорит купина?

Нет возврата, родное наследье в золе,
Тьма за нами сошлась навсегда,
Будто все полегли в колобродной земле.
Не отыщется даже следа.

А оглянешься — ночь.

Всюду голый пустырь —
Ни травы, ни дороги домой.
Восковеет земля и вмерзает фитиль
В голос мой...

* * *

Не исчезни, как сон в тихой утренней мгле,
Как сиянье над сном и Днестром,
Как молитва, что я на свином крыле
Напишу соловьиным пером,

Не исчезни, как свечечка над ковьялем,
И купальский веноч молодой,
И слова милосердия, и ночь за окном,
И звезда над последней водой,

Не исчезни, как грусть полуночной порой,
Как слепая слеза на щеке...
Украина!

...как божия длань надо мной
И перо ледяное в руке...

Слова слиты и слиты пустое село,
И отцовская хата в кольце чистотела.
И криница — почти под окном, где стекло
От дыхания с той стороны заотело.
Заскрипит старый ворот, виток за витком
Заржавевшую цепь глубине отдавая,
И вернется ведро — с раскаленным песком:
Обжигал, сквозь пальцы течет, обжигая!
И почувдится мне: чья-то тень на траву
Упадет рядом с тенями яблонь и вишен,
Если я постучусь в эту дверь, позову —
И оплаканных мной, и меня позабывших.
...И темнеет окно, и песок, носерева,
Заливает уже и траву, и деревья...
Может, это не сон? Ни души нет в селе.
Так зачем я стучу и стучу в эти двери?

* * *

Тот космос, где рождаются слова,—
Не форма, не верлибры да хорен...
И тропка, и туманная трава,
И степь ночная, и звезда над нею,
И окоем, оттаявшая мгла,
И родничок под вербой придорожной —
Поэзия.

Она всегда права —
Не бог ты для нее, а так, прохожий...
Пахлынет незнакомая тоска,
И загорчит в душе...

И не случайно

Прямая речь звезды и родника
Тебя учила слову и молчанью.

* * *

За последним порогом,
За сивою гривою глины,
За трубою рыданья,
В которую ветер подул,—
Застонали вязы,
И защелкал мороз на калине,
И померкшие руки
Заклекли на струнах бандур.

О, безумное время!
Взбесилась земля под ногами.
С сумасшедших небес
Сумасшедшие ливни шипят.
Обернуться нельзя —
Скачет хата пустая за нами,
На распахнутых окон
Жуки, обезумев, летят.

Та полынь, та звезда,
Та удавка сухотного дыма,
Те седые чубы,
Та дорога и траурный креп —
Нам подскажут слова,
Что на снег упадут неследимый,—
И на наших печалях
Продажный заквасится хлеб.

Где мне, где мне взять сил,
Где взять сил для любви и доверья?
Как в могилу гляжу,
И земля меня тянет к себе.
Не дай бог никому
Погребать эти пни и деревья,
И отгизну свою
Узнавать в сумасшедшей сове.

ДИАЛОГ

Я был в таких домах, где жмутся в коридорах
валтели теней, ценные существа.
Они облачены в знак явного родства
в безвременный наряд, не гнущийся от хлора.

Как тяжело встречать их обнаженный взгляд,
как трудно не смотреть в их камерные лица...
Поскольку зеркала не отражают ад,
им не во что глазеть и не в чем отразиться.

Когда один из них — решетка и стекло —
мне шепотом говорил — стояли между нами —
про Беломор-канал — он пил одеколон —
в египетских песках — и говорил стихами —

Он громко уверил — мы виделись впервые —
что мертвые умрут — я тихо понимал —
в безвыходных домах — что оживут живые,
продлив длиною в жизнь необходной канал.

Но как преодолеть — решетка и стекло —
условия игры — не разрушали взгляда —
забытой наизусть в общественном обряде
и вычислить себя в окне и за окном?!

Отсутствующих тел вопищие пустоты,
безмолвные тела глядящих в пустоту,
архангел без трубы с улыбкой идиота,
плывущий над собой к последнему суду...

Аз есмь один из нас, чье небо в сталактитах
давно умерших звезд. В невысказанный час
мы выйдем из домов, открытых и закрытых,
в пустые города, не потупляя глаз.

Уже стоит в окне мое неотраженье
и дышит сквозь стекло и, позабыв слова,
пытается сказать мучительным движеньем,
что все вокруг не так, как хочет голова.

ПУГАЛО

Дотемна погружаемый в якорный ад,
я вникал в иероглиф спотворных перевок,
возникал вечный праг чернокрылых воронок —
одноногий и преданный ветру солдат.

Сбросив рваный мундир, он явился крестом
и надел мою плоть, как простую рубаху,
я ему подчинялся без боли и страха,
на кресте оставляя свой вес и объем.

Мимо с песнями шел землеройный народ,
сквозь меня проходили последние люди.
Я, испуганный, птиц направлял в небосвод
и безоблачно видел, что было и будет.

Я объял тишину до безмолвия вод
и безмолвно распятие врезалось в небо,
мир, предчувствуя гибель, как жертвенный скот,
озирался вокруг тяжело и нелепо.

Но вернулась душа в неприкаянный сон,
и качался гамак между небом и садом,
плыл сквозь ветви, гудящие медленным ядом,
на гнилой крестовине мундир без погон.

ИГРОКН (или истинный случай, произошедший в Марьиной
Роше)

Нифагорейской вогнутой зернью транскрибируя слух,
они выкладывают лабиринту, в которой суслики пожирают
египетскую
куклу, они избегают квадратных решений, ибо только
домохозяйка
может вычислить кубатуру страха.

Гербовый отставник гадает над мандалой, разворачивающей
Вселенную,
читает костяной веер и опрокидывает планы противника —
четыре-пусто

(влияние оказывает расщепленный портвейн).

Балансируя кровью, он взвешивает рыбу с замороженной
головой,
а там, за кадром: новостройки, искусственные моря, колхозы,
поезда
и игроки — игроки в домино.

Возможно, в Марьиной Роше они сидят с мидалевидными
глазами
и повторяют комбинации седого полковника. Не ведая, они
расшифровали
свою эпоху. Над ними кружится осенняя птица, ей чудится
звездное
небо, и стол, вздрагивая, внезапно, как миное поле, обретает
астральный порядок.

Птица — бледный Гастелло над вражескими поездами —
о восточный соблазн камикадзе!

Игроки голозубо усталились в птицу,—
возможно, так на Олимпе рассматривают раненый самолет, и
эта

сумасшедшая бабочка — помеха в беспечной игре.

Мутнеющий взор, свиреные белки — *это происки врага*.

Шесть-четыре — в архитектуре костяного свиста зависает
бледнеющая
птица.

Она умирает на лету и в этот момент
видит разрушение чисел
и гибель Вселенной.

* * *

Докторским ухом прижмитесь к земле
или к горбату животу отяжелевшей женщины.
Слышите?.. Тактильное эхо.

Это память о жаберном хрипе
или путник, вырастающий из шагов...
Розой гудит напряженный бутон,
а чадо во чреве, очерчивая себя,
возводит спод из своей несвободы...

Так человек, рассматривая топор, осознает убийство.
Но строит ковчег музыкальный Ной,
не надо стоять у него за спиной.

* * *

Дно погребает дно и дном себя подьмлет,
сквозь толщу горьких вод мерцают небеса,
вращаясь на осях, плывут моря и земли,
но кто увидит дно, тот в центре колеса.

И видел это дно в глазах у человека,
он восемь лет подряд смотрел в свое лицо,
а на девятый год прикрыл чужие веки,
остановил себя — прошел сквозь колесо.

Направо за окном... теперь уже налево,
сжимая кругом круг, бежит велосипед,
а велосипедист — то юноша, то дева,

Виктор НЕБОРАК

МОНОЛОГ ПО-СОБАЧЬИ

тело покойника нашли во рву среди двора,
повешенным на цепи, — и зарыли за ого-
родом

Джульбарс повесился — жертва сунцида.
Дьявол торжествует!

Божья карта бита.

В небе намекинут: от ворот поворот...

Душу пса турнут

под хвост и под!..

Джульбарс повесился на цепи. Как дико!

Прямо польский фильм —

видеоклубника:

и умиленье, и охмуренье,

и сношение, и умерщвление!

Джульбарс повесился. Слышали — вы?!

Вы читаете «Листья травы»?*

Маркеса? Борхеса? Гессе? •И цинна•?

Вот перемена — скончалась цинна!

Ты слыл стихогворцем,

а он — собакой.

Ты с рифмой баладался,

он — с тучей мух.

Ты членом увлянешь — законным писакой...

А Джульбарс избрал не объедки, а дух!

Сколько можно с ошейника рваться?

Сколько можно вить до аванса?

Сколько можно лохматить брюки?

Вечно?..—

у-у, суки!

(«Нет профессии пизонутей:

вечно козлов и цылят сторожу,

чтоб самому тянуть их

к ножу!»)

Пронзает Землю и небеса

созвездие Пса!

***

Такой туман — в нем плыть на субмарине!

Открыл окно, и пу на небеси...

Как дно морское, площади отныне.

Русалки ловят скользкое такси.

И молвят волнохвостому «фиату»

(не забывай чешуей блеснуть):

•Утопленничек! Нам — к кинотеатру.

Какому-либо, либо и нибудь!

И два часа мигающего транса

их возвышает кассовый обман.

А выйдут, отсидевши срок сеанса,—

паре водорослями зарос...

Туман.

Александр ИРВАНЕЦ

ГОД ДО ДЕМБЕЛЯ

А метель...

А метель...

Эшелоны снегов по России.

Ветровые почные пути — вот пространство
утраченных снегов

Что-то поздние всхлипы востел,

и перроны пустые —

эшелоны снегов,

эшелоны снегов...

Но зима отпуржит,

и весна ей заступит на смену

из финляндских лесов,

из-за серых лапландских бугров.

Вдоль снегов прошуршат,

нарастая в пути постепенно,

эшелоны ветров,

эшелоны ветров...

Будут светлые сумерки лета

считаться ночами

Я замру, как пацан,

ни на йоту не ставший взрослей

Сквозь меня и сквозь август

прочтается в печали, в молчанье

эшелоны дождей,

эшелоны дождей...

Золотой эшелон листопада

отзвучья вчерашнего смеха

заштрихует собой,

и окончится год, и тогда

электричка зеленого,

повооризывного снега

увезет меня вскоре

отсюда, отсюда... Туда!

МОЛЬБА

Судьбу, что мне уготована,

тебя, погребенная вера,—

молю о слухе Бетховена,

молю о зрении Гомера!

Владимир ЦЫБУЛЬКО

ЯВЛЕНИЕ БАНДУРЫ

кобзарю Павлу Сувиру

...туману-то с севера натекло!
Студено и студенисто.
Машины площадь пересекают на оцунь,
по Владимирском давител жижей хористы,
а тут — бандура, соперница Листа.
Перечит Шопену и' династии Майбород,
не враждует — волхвует, какая это пражда!
Выходит из бандуры песь мой народ,
криком кровави разрубленные уста.

Гей, пришла бандура —
не сама, д' не одна:
кобзари незрячего
привела, привела!..
На запрет светофора,
не унижая взгляда —
иди запоем, кобзарик. Иадо.
Бандура пришла, очевидца незрячего
привела,
уселась вдвоем, говорю,
в парке Шевченко под памятником Кобзарю,
которому голову склонил дизайнер,
и поют, друг другу души терзают.
Да все о Байде, что царю-венценосцу
стрелу послал точь-в-точь в переносицу,
а царшне-девочке — в розовое темечко..
Идет народ, прибывает, толшится —
дальшня, ближняя, всякая родня
на деки бандурной сквозь струны хлобыщет —
вибрируют струны, тешись и звени:
О Сагайдачном, о Дорошенко,
ведущем казацьки полки хорошенько..
И клали мы Кобзарю на ступени
любовь незабудок, барвинков терпенье,
печаль чериобрицев и хризантем,
а затем —
возвращались в бандуру опять,
как в киносьемке... Туман. Непоглядь.
Лишь на перекрестке возле университета
дежурят в тумане невнятного цвета
серые кочеты с гребнями, будто маки, —
милиционеры-казаки.

Перевод с украинского Игоря КРУЧКА

Наташа Белоцерковец

* * *

Воспоминанья — не худший наркотик...

Так рано!..

Словно иные миры, неземные огни,
Долго ли втискивать будешь в стихи свои — раны —
Эти дымы и туманы, вокзалы и дни?

Что так устала душа? Кто ее обессилит?
Кто наши лучшие годы забросил в поток?
Что тот поток подтолкнуло — он быстр, но бескрылен?
Перст указующий? Год, что за годом протек?

...Нас оторвать от потока уже невозможно,
И как поэты в любви и лазурных ветрах,
Родина наша — с годами тревожней, тревожней! —
Веры искала в былом, где знамена и страх!

Глянeshь — неужто не выйдет опять из подтекста
На люди правда?..

Иль правда пора настает,

Где,

как Перовская Софья бледна,

поэтесса

Белым платком современникам знак подает?..

* * *

И ты каждый вечер на этой спешнись электричке,
Где сбились тела неразрывно в густое тепло,
Где сонные лица, усталые до обезлички:
Народ после смены из города едет в село.

И память цепка и трепещет, как флаг, и маячит,
Любовью и грустью охвачена перед такой
Картиною: женщина спит и сопит ее мальчик,
Замыгганной лавки касаясь прозрачной рукой.

Легко пальтецо, хоть вагон в полушаге от стины,
Но ей, одиночке, наверное, с ним нелегко...
Зато красота, что утрачена матерью, в сыне
Светлеет румянцем и пахнет парным молоком.

Тот розовый свет — над усталыми и молодыми,
Над лбами их потными; и — вместо райских плодов —
Их хлеб трудовой вызревает в авоськах над ними —
На дереве хлебом всех пригородных поездов.

И плечи народ распрямит и раскроет ладони,
Сквозь глад и войну, и разруху, и — что впереди?
Народ мой усталый,

как мать в опостылом вагоне,

Народ-несмышлениш,

как мальчик у ней на груди.

И: город — село, и: село — и предутренний город —
Маршруты массивов народного духа и сил...
Но что ими движет?

Страдание, страх или голод?

Где цель,

что толкает вперед за массивом массив?

Пора репетиций

И любая влюбленность теперь все теснее и ближе
смертоносной иголкой вышиты флер этот дым
чтобы месяц упал на родное лицо поверни же
и дрожи как художник и плачь как убийца над ним

это час репетиций деревья выходят на сцену
стар актер и течет его кровь листопад листопад
о наивный мой зритель ты веришь что смерть достоверна
смерть всегда достоверна и этому учит Театр

и на сад что сегодня умрет и воскреснет весной
на увядшие голые плечи старухи горы
на родное лицо что бледнеет сейчас пред тобой
налагает искусство широкий подчеркнутый грим

это час репетиций и текстом пророческой драмы
перегружены губы ремарки пылают во тьме
пусть не будут проклятыми роли что выбраны нами
мы как эти деревья готовы к суровой зиме.

* * *

Я умру в Париже в четверг вечером.
Сесар Вальехо.

Забываются линии запахи краски и звуки
гаснет слух слабнет зрение радость уходит одна
за свою душу протянешь усталые руки
но высоко-высоко теперь пролетает она

остается вокзал только он на последнем перроне
пена дымной разлуки клубится и пухнет и вот
размывает мои незащитно-чужие ладони
и удушливым сладким теплом наползает на рот
остается любовь лучше б не было этой любви

в привокзальной постели я плакала до изнуренья
и красотка сирень так брезгливо смотрела в окно
поезд мчит и влюбленная пара глядит с изумленьем
как под телом твоим задыхается полка темно
затихает весна это было недавно-давно

мы умрем не в Париже теперь я наверное знаю
но в провинции в койке где потом пропитан матрас
и никто твоего коньяка не подаст я ведь знаю
не утешит никто доцелуем прощающим нас
тému кругам не разбить под мостом Мирабо в этот час

слишком горько мы плакали и оскорбляли природу
слишком сильно любили смущая любовников тем
слишком нервно писали поэтов не чтившие сроду
нам они умереть не позволят в Париже

и воду
под мостом Мирабо окольцуют подобием стен.

*С украинского.
Перевод
Н. Кабыш*

